

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

В. М. Золотухин, В. П. Щенников

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE ACTIVITY WITHIN SOCIO-CULTURAL PROCESS

V. M. Zolotukhin, V. P. Shchennikov

В статье рассматривается взаимосвязь социальной деятельности с социокультурными процессами. Отмечается, что в качестве объекта анализа толерантных отношений выступает деятельность человека, выраженная в конкретных формах ее осуществления в различных областях на основе проявления социальной нормативности в обществе. Акцентируется внимание на востребованности принципа добровольного признания субъектами друг друга в качестве участников общественных отношений.

The paper discusses the interconnection between social work and socio-cultural processes. It is noted that as the object for analysing tolerant relations is the human activity, expressed in concrete forms of its implementation in different areas on the basis of expressing social normativity in the society. The paper focuses on the relevance of the principle of the subjects' voluntary acceptance of each other as members of social relations.

Ключевые слова: взаимодействие, социальная деятельность, дискурс, консенсус, сознание, нормативность.

Keywords: interaction, social activity, discourse, consensus, consciousness, normativity.

Социокультурный процесс как объединение людей различных культур может быть представлен в различных ритуалах, которые выступают в качестве "параметров порядка", направляющих и регулирующих поведение людей. Тем самым ритуал как институт культуры не оставляет места "слепой" генетической изменчивости. Следствием этого является положение об ответственности человека (имеющее антропологическое обоснование), основанное на данных об инстинктивной сфере животных и людей, устанавливающее порядок и закономерность действия животных механизмов, нейтрализующих взаимную агрессию путем образования социокультурных иерархических порядков. Одним из таких механизмов может быть "вытеснительная реакция" по отношению к тем членам общества, поведение которых явно отклоняется от нормы (стандартов).

Как подчеркивают Н. А. Толстых и В. А. Трусов, "Выявление формирования и выражение различных интересов, с одной стороны, их согласование, «усреднение», компромиссность – с другой, позволяют закрепить в праве некую меру «общезначимых интересов»" [5, с. 11]. Взаимосвязь моральной и правовой нормативности зависит от меры нашей гражданской активности ("ненасилие сильных"). Добровольное расширение ценностного пространства человека базируется, во всяком случае, должно, на гражданской активности человека как субъекта общественных отношений. Можно человека "поливать" и смотреть, как он к "солнышку поворачивается", таким образом, мы создаем культуру. А можно и так: отрубить все лишнее и сказать, что это подлинный человек. И то искусственно, и это искусственно, только одно проще делается, чем другое.

Концепция конвенционального или искусственно-го характера норм подразумевает наличие определенного элемента произвольности, т. е. возможности существования различных нормативных систем, выбор между которыми затруднителен (на этот факт, справедливо обратил внимание Протагор). Искусствен-

ность не влечет за собой полный произвол. Так, математические исчисления, симфонии или пьесы мы можем сравнивать между собой как искусственные объекты, ибо человек создал множество миров – миры языка, музыки, поэзии, науки. Важнейшим из них является мир моральных требований – свободы, равенства, милосердия. Превалирование так называемого "искусства варваров", а вместе с ним соответствующих норм поведения ведет к подрыву прогресса культуры вообще, в частности – к распаду общества и анархии. Вследствие этого, фашизм отказался от единства человеческого рода, о котором помышляли, уже начиная со Стои, благодаря чему прогресс был понят как взаимозависимый и универсальный исторический феномен.

Параллельно с концепцией "искусственности" норм существует "искусственность" сознания, выраженная в своей нормативности. Нормативность сознания лежит в основе каждой научной, нравственной и эстетической жизни. Всякое согласие относительно чего-либо, что люди должны признавать как властвующую над ними норму, предполагает это нормативное сознание. В этом случае, лишение социальной свободы заключается не только в уничтожении непосредственной свободы действия: рядом с физическим насилием при лишении социальной свободы выступает также психическое насилие, которое, может быть, отражается на человеке еще мучительнее. Актуализируется различие этического (нравственного) понятия свободы выбора от психологического понятия свободы выбора. Оба эти понятия лежат в совершенно различных плоскостях, хотя при известных условиях они могут относиться к одному и тому же предмету.

Социокультурный процесс имеет две стороны. С одной – степень заинтересованности общества в целом, его классов, социальных групп, территориальных общностей и их ментальности. С другой стороны – политические и социальные установки властных структур, помогающие культуре самоидентифицировать себя. Например, имея определенные врожден-

ные структуры мышления все люди, всех народов и культур, сами определяют основы своей логической структуры языка и логику мышления. От того, как ориентировано и структурировано общественное мнение зависит степень освоения каждым человеком окружающей его культуры. Имеется в виду, не только выполнение общеобязательных стандартов и символики, но и тех, как стоящих в оппозиции к официальной идеологии, так и обнажающих естественные инстинкты человека, во всей их агрессивности, носящей деструктивный характер для человека и культурной среды его обитания.

Для успешного развития коммуникативной практики необходимо воспитание и взращивание конфликтных компетентностей человека, чтобы человек осознавал (мог осознавать) конфликт как явление в нем объективное противоречие. На противоречие, явление в конфликте, можно ответить агрессией, попытаться победить его в буквальном, силовом смысле слова. Инструмент – расширение социокультурного диалога на основе переговоров как снятие этого противоречия через умение договариваться. Чем больше способов разрешать конфликт знает человек, тем более он способен к толерантности, к продуктивному взаимодействию. В "активном" сопротивлении человека повседневности, "падающей публичности" (М. Хайдеггер), проявляется специфика диалога с "Другим", признание равенства.

Широкие границы вариативности социокультурной практики характеризуются отсутствием механизмов, способных удержать человека в культуре за исключением самоопределенности самого человека. Существующий в современности плюрализм нормообразующих институтов должен быть направлен на установление пределов их полномочий. Если традиционалистском обществе личность определена через семейно-корпоративные и производственно-корпоративные связи (личность только потому, что является частью корпорации, частью сословия, класса, касты, то в современных реалиях, характеризующихся наличием техногенной культуры – самоценна, самостоятельна, самореализуема, автономна, она может выбирать себе социальные связи: может менять профессию, входить в разные корпорации и причем одновременно, поэтому ее можно определить как суверенную личность.

Субъект должен быть восприимчив к пониманию представления о мире, который требует от него развития способностей к ответственному и конструктивному общественному поведению. Одним из условий проявления активности (открытости), с антропологической точки зрения, является совершенствование умения принимать нравственно зрелые решения, касающиеся ли они личных отношений, общественного поведения или участия в политических акциях.

Взаимодействие, а также взаимовлияние субъекта на социальную среду должны быть направлены на развитие в человеке способностей, необходимых для взаимодействия в условиях многообразия, конструктивного и ответственного поведения в условиях конфликта. Как отмечает Леви-Стросс "Перспективам соблазнительным для человека, - перспективам вечного лета или вечной зимы (одно бесстыдное, до из-

вращений, а другое – чистое, до бесплодия) – человек должен решиться предпочесть равновесие и периодичность, свойственные сезонному ритму. В природном порядке этот ритм соответствует той же функции, что в социальном плане выполняет обмен словами, при условии, что это происходит с искренним стремлением к коммуникации [2, с. 375 – 376].

Наличием "бунтарского порыва" человек переступает "свое молчание", при котором "молча терпел, живя скорее своими повседневными заботами, чем осознанием своих прав". Он требует, "чтобы с ним обращались как с равным" и "то, что было раньше упорным сопротивлением человека, становится всем человеком, который отождествляет себя с сопротивлением и сводится к нему". Акт "сопротивления" позволил А. Камю внести в свой нравственно-философский кодекс "братство с другими в беде и защите от нее" и наметить переход к праву, т.е. "переход от формулы "нужно было бы, чтобы это существовало" к формуле "я хочу, чтобы было так".

К этому необходимо добавить понимание "сопротивления" М. Шелера: "мир есть прежде всего "сопротивление" и который одновременно является условием всего чувственного восприятия случайного так-здесь-и-теперь" [6, с. 65]. Так как акт "сопротивления" может быть осуществлен только человеком, посредством подавления и вытеснения собственных влечений и аскетическим отношением к собственной жизни, то человек является "вечным протестантом против всякой действительности" на основе своей духовной деятельности. Такая деятельность обусловлена необходимостью "прорвать пределы своего "здесь-и-теперь-так-бытия" и окружающего мира", в том числе и наличную действительность собственного "Я". На этот же аспект обращает внимание и З. Фрейд в книге "По ту сторону принципа удовольствия", где усматривает в человеке "вытеснителя влечений". Более того, "сопротивление" базируется на переживании, которое предшествует всякому сознанию, всем представлениям и восприятиям.

Свобода выбора всегда ограничена, но (в то же время) как замечает А. Камю, – "расширение возможностей не дает свободы, однако отсутствие возможностей есть рабство", поэтому она "есть только в том мире, где четко определены как возможное, так и невозможное". В этом смысле закономерной является ситуация, когда человек стремится к большему порядку и предписаниям, тем острее у него желание расширить сферу личной свободы. Объяснение этому следующее: расширение пространства личной свободы требует и большей терпимости к другим – к другому мнению, вкусу, образу жизни и плюрализму. Для того чтобы это реализовать, государству и обществу необходима внутренняя динамика развития с определенным механизмом "саморегуляции". В противном случае, на первом плане реализации будут доминировать механизмы отторжения "иного", всего нового и неизвестного.

Преобразование диалога в открытую коммуникацию требует от человека самоопределенности, в которой, как подчеркивает Ж. Семлен, актуализирована автономность человеческой личности как пути от насилия к ненасилию. Совершенно верно подчеркивает-

ся, что "ненасилие выполняет двуединую задачу: подавляет насилие и способствует боевитости у субъекта путем его освобождения от психических механизмов, превращающих боевитость в разрушительную силу. ...Эта сила основывается как на уважении противника, так и на самоутверждении самого субъекта как личности. Ненасильственная боевитость (активность) настойчива, действенна, способна уничтожать стереотипы, порожденные страхом и ненавистью" [3, с. 82].

Например, толерантность (терпимость), опирающаяся на стремление к взаимопониманию, не может превратиться в релятивистскую терпимость (безразличие) к наличию зла в мире, ибо понимание другого открывает в нем источник зла и греха, которым необходимо сопротивляться. Стремление понять другого не дает диалогу превратиться в навязывание другому своих воззрений, ибо оно включает необходимость понять, как он понимает тебя. Понять другого – значит понять пределы эффективности ненасильственного сопротивления его действиям и условиям применения такого насилия, которое он в состоянии осознать как вынужденное и не преследующее целей подавление.

Говоря об условности морали (ее относительно-сти, приспособленности к ситуации) следует отметить, что мыслящий человек должен при осознании этого идти на бунт (А. Камю). Если осознание этого есть, то можно избежать ситуацию, при которой государство или другие властные структуры могут использовать условную мораль как инструмент манипуляции людьми. Актуальность этого основана на высказывании Ф. М. Достоевского: "Если Бога нет, все позволено". В этом случае нет абсолютных ориентиров в морали, что разрушает абсолютный характер моральных запретов и господствует моральный аморализм, хотя это и может прикрываться различными теориями "освобождения человека".

Человек должен иметь возможность самостоятельно избрать систему ценностей в качестве ориентира своего развития в социуме. Осознание жизни в нравственном смысле превращает ее в подлинное Бытие, т. е. Бытие духовное, так как "вне духовного содержания любое дело – это полдела" (М. Мамардашвили). Поэтому желательно, чтобы каждый человек имел возможность гармонизировать свою личность и свое сознание, имел представление о подлинной духовности и ее значении для себя самого и для всего социума. Активное отношение человека к своему существованию и сосуществованию с другими, позволяют ему найти наиболее существенные механизмы распространения гуманистических отношений в обществе и, в соответствии с этим – механизмы эффективной адаптации человека к социальной среде. Существенным моментом при этом является вопрос социокультурной среды, в которой субъект либо осуществляет ту или иную деятельность, либо сосуществует с "Другими" как потребитель продуктов деятельности "Других". При этом, "мера ответственности человека должна опираться не только на репрессивность правовых законов, но и на добровольное уважение прав человека. Там, где человек активно отстаивает свои права и признает права "Других", а

также относится к ним с пониманием, толерантность имеет глубокие корни. Возможно совпадение ожидания ответа государства с самостоятельным действием" [4, с. 21].

Стремясь выйти из своего обособления и узкого круга себялюбия, человек жаждет любви, но трудности подлинного осуществления личной любви ведут к замене ее суррогатом – любовью к кошечкам, собачкам. Любовь к человеку иногда заменяется любовью к человечеству. Как раз это и служит одной из причин проявления агрессивных реакций на окружающий мир. Основаниями для сохранения и контроля факторов регулирования агрессии выступают материальные и духовные (внутренние и внешние) источники поощрения и наказания человека. Социальная обусловленность этих источников и их направленность определяют степень социальной напряженности в обществе в зависимости от того, какова агрессия: инструментальная или враждебная.

Угнетение порождает в сознании человека конфликт между сопротивлением и повиновением. Интенсивность этого конфликта зависит от силы давления на индивида. Перед лицом угнетения индивид выбирает один из трех путей: полностью принимает сторону угнетателей, проявляя готовность к сотрудничеству; приспосабливается к системе и чувствует себя в псевдобезопасности; поднимает голову и избирает путь сопротивления угнетателю. Последним, человек полностью изменяет свой образ жизни и спасает человеческое достоинство. Он отдает себе отчет, что этот путь тернист и может привести к гибели, но это наиболее вероятный путь спасения своей жизни и многих других жизней. Данный путь предполагает веру в ценности, отвечающие гуманистическому, политическому или религиозному идеалу, защищающему свободу и справедливость. Идея свободы, которую надо защищать, справедливости, которую надо завоевывать, становится первой психологической и нравственной опорой против страха смерти. Убежденность помогает преодолеть опасности и превозмочь страдания. Для проявления самоопределенности человеку необходим внутренний стержень в экстремальных ситуациях, чтобы не потерять человеческий облик, не унижаться перед угнетателем, не деградировать морально и, в конце концов, не погибнуть физически.

Через ответственность и автономность (благоприобретенные качества) человек осознает себя. В этот момент он становится ответственным за свою судьбу, а его поведение делается независимым. Эти качества превращают человека в личность, готовую к сопротивлению. Человек должен проделать большую духовную работу по осознанию своего достоинства, способности к действию. Между действием и осознанием себя как личности существует диалектическая связь: осознание себя уже есть действие, в то время как действие возвышает человека как личность. Исходя из этого, Ж. Семлен приходит к следующему положению: "ненасилие не должно быть нацелено только на уничтожение психологических механизмов пассивности и подчинения. Оно должно укорениться в существующем мире, где насилие царствует во времени и пространстве, где люди скорее покорны, чем

независимы, скорее беспечны, чем ответственные" [3, с. 82].

В случае невыполнения человеком в реальном правовом пространстве своих обязанностей, теряет всякий смысл требование признания и реализации прав человека. С этой точки зрения уровень соотношения прав и обязанностей полностью зависит от человека как субъекта правоотношений, его самоопределенности в рамках социально-политической инфраструктуры государства. В условиях глубоких мега- и микроуровневых общественных изменений, по мнению Р. Ф. Степаненко, "юридическую маргинальность следует расценивать как неизбежное явление, побочный продукт всевозможных модернизаций, обуславливающих как "пограничность" правового состояния (положения) значительного числа российских граждан, так и отчужденность ценностно-нормативного пространства от смысла права, в том числе субъектами, его конструирующими" [4, с. 101].

Несомненным здесь является наличие реальных условий для наиболее широкого спектра проявления возможностей реализации прав и свобод в государстве. При этом, ограничивая свободу общим интересом в общественном порядке и безопасности, государство действует в соответствии с принципом равной свободы, относительно которого можно достичь и достигается согласие. На самом деле человек может полагать, что другие должны разделять те же верования и принципы, что и он сам, а понимание обязательств и моральных принципов показывает: мы не можем

ожидать, что другие согласятся с меньшей свободой. Еще меньше мы можем надеяться на то, что они признают нас адекватными интерпретаторами их обязанностей или моральных обязательств. На первый план выходит самосознание субъекта, которое "каким-то образом должно быть связано с содержанием" [7, с. 198], в данном случае – с содержанием национального характера.

Каждый признает, что разрушение условий для реального равенства представляет опасность для свободы всех людей. Это суждение становится верным, поскольку поддержание общественного порядка понимается как необходимое условие достижения каждым своих целей, каковыми бы они ни были (если они лежат в определенных границах), а также реализация собственной интерпретации своих моральных обязательств. В качестве примера может выступать ситуация ограничения свободы совести какими-то рамками, хотя бы нечеткими со стороны государства, обусловленная пределом, выведенным из принципа общего интереса, интереса репрезентативного равного гражданина. Ограничение это связано с так называемым парадоксом свободы (К. Поппер), который показывает: свобода в смысле какого бы то ни было ограничивающего ее контроля должна привести к значительному ее ограничению, чтобы не дать возможность задире поработить кротких. Через это проявляется диалектика противостояния и сотрудничества "слабого" и "сильного" в толерантных отношениях.

Литература

1. Золотухин В. М. Социокультурная идентичность и право на толерантность // Вестник КемГУКИ. 2014. № 26. С. 18 – 24.
2. Леви-Строс К. Предметная область антропологии / Путь масок. М.: Республика, 2000. 399 с.
3. Семлен Ж. Выход из насилия / Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. 495 с.
4. Степаненко Р. Ф. Причинность, понятие и виды правовой маргинальности // Государство и право. 2014. № 6.
5. Толстых Н. А., Трусов В. А. Понятие содержание права // Государство и право. 2014. № 6.
6. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. 546 с.
7. Щенников В. П., Белоглазова О. Н. Проблема самосознания в истории философии // Вестник КемГУ. 2011. Вып. 1(45). С. 195 – 199.

Информация об авторах:

Золотухин Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии, политических отношений права Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, 8-905-067-16-63.

Vladimir M. Zolotuhin – Doctor of Philosophy, Full Professor, Head of the Department of Sociology, Political Relations and Law, Kuzbass State Technical University named T. F. Gorbachev.

Щенников Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии КемГУ, 8(384-2) 58-32-31, logos@kemsu.ru.

Vladimir P. Shchennikov – Doctor of Philosophy, Full Professor, Head at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 19.01.2015 г.